

Дар Ганга Джлалу.

Жил да был в стародавние времена в одной далёкой восточной стране, славящейся ароматными пряностями да роскошными украшениями, дряхлый старик Джлалу. Жил Джлалу не сказать, чтоб уж прям так замечательно, однако же и не сказать, что совсем уж плохо. Дома своего он отродясь не имел и всю небезгрешную и отнюдь не короткую жизнь провёл в странствованиях по землям родного царства, коим правил добрый, благочестивый и скромный властитель, проводник добра, справедливости и заботы о родном народе, и имя этому главе было Махатма. Где только Джлалу не побывал: и в джунглях ему приходилось жарить потные тушки гиббонов, и в реках спасаться от стай кайманов, и в полях избегать невесёлой участи быть смятым в лепёшку стадом разъярённых слонов. Так и жил старик – не тужил, уже почти весь срок на бренном своём веку отмотал, а всё места в мире не находил, всё уняться не желал. В последние годы, когда уж совсем немоготу стало странствовать, и когда одолела старика немощь, обосновался он на площади одного мелкого городка, жил одним лишь подаванием, питался молоком разгуливающих по улицам священных коров, да ещё беспробудно предавался грозному и страшному пороку питья ядрёной местной мадхупарки, в которой жители окрестных деревень по издревле заведённой традиции знали толк. Так бы и пошёл дух его на новый виток жизненного колеса Сансары, если бы не приснился старцу странный и чудесный сон. Видит он сначала горы, а потом ещё горы, и опять горы, и снова горы, а затем всё поля, и ещё поля, и опять поля. А в полях, среди права и лева, а также переда и зада, да ещё верха и низа стоит город такой большой, в городе же том люди все высокие такие ходят – превысокие, да чёрные-пречёрные, похожие не то на гигантские лианы, не то – на исполинских кобр, не то на могучие смерчи, что ещё над морем порою бывают. И понял тогда Джлалу, что видит он сказочную страну Абиссинию, от родины его лежащую за морем к западу. А в граде том восседает самый высокий и самый чёрный среди всех человек. Джлалу знал уже тогда, что правитель то местный, абиссинский. И обращается к нему правитель со словами: «Здравствуй, Джлалу, давно же я ждал твоего прихода, ты же всё не соизволял предстать пред очи мои. Я – владыка местных земель, наречённый Тафари. Не удивляйся, что имя твоё мне неизвестно, ибо дар мне дан проникать в будущее, равно как и в прошлое, видеть дабы там уже свершённое или всё ещё не свершившееся, ибо всё свершённое ещё не произошло, а всё не произошедшее, уже свершено. Недолг век мой, твоему супротив. Придёт по душу мою не с миром, но с огнём и мечом могущественный властительный вождь варваров римских, имя коему Бения, сожжёт он града мои, разорит он сёла мои, ранит он земли мои а благих жителей царства моего сгонит, стаду подобно, в густые и не проходимые леса, иных же в полон уведёт, и столь он громадна и сильна рать его, что

даже самые могучие из воинов моих не устоят пред его чугунными слонами и чёрными огненными птицами, а посеми, благословенный старче, слушай же сейчас внимательно да слово всякое помни впредь крепко-накрепко, словно высеченное зубилом по блеску обсидиановых скал, ведь миссия пред тобой лежит великая, разверзшаяся, словно непроходимая пропасть. Завтра, с утра раннего, обменяй всю свою мадхупарку, жалость из сердца изгнавши, на добротный кальян, созданный почтения бога Ганеши ради, свари священную хаому на молоке знакомых твоих коров, после же, когда все необходимые приготовления будут тобою исполнены, отправляйся в последнее странствие, дабы омовенье свершить покрытых вековой пылью смрадных пят твоих во всеисцеляющих водах просветляющего Ганга. До омовения же, как на берегах лазурных пребывать будешь, испей волшебные соки хаомы, разожги кальян и поклонись покровительствующему над тобою мудрейшему и всеведающему Ганеше. Там, в водах Ганга стоя, и жди божественного знамения, откровения озарений сниспосылающего. А что дальше свершится с телом твоим и душой – даже от моей воли сокрыто!» И после этих сказанных слов всё вокруг во сне у Джлалу начало вдруг куда-то уплывать, знаете ли так, словно плот на реке или несомая слугами кабинка раджи для путешествий, после чего Джлалу проснулся на привычной уже площади в обнимку с бутылью мадхупарки подмышкой. И всё бы ничего, да начал ему этот сон сниться с тех пор каждую ночь - и на следующую ночь приснился, и ещё на следующую, а потом ещё через одну, а после – опять и опять много ещё раз повторялся, и с каждым разом абиссинский царь Тафари серчал всё более и более, да кривым своим чёрным пальчиком грозил, упрекая старца в том, что ослушался тот воли монаршей. В конце концов надоело Джлалу видеть каждую ночь одно и то же, и, хоть и грешил он всякий раз на выпитую под вечер мадхупарку, однако всё же решил отправиться в край дальний – какая уж ему разница, всё равно, мол, помирать скоро. Почесал старик замшелую плешь и пошёл на базар менять пьянящий свой напиток на добротный кальян, дабы почтить бога Ганешу, как ему и велел Тафари. И видит, сидит на базаре всего-навсего один-единёшенек человек в ярко раскрашенных таких одеждах, сам смолит дымом зелёным, никого не зазывает, и только лишь волосы в мелкие космы заплетает, да цветочки в них всякие разные разнообразные большие и маленькие крепит потихоньку. А рядом – рядом тот самый заветный кальян в форме слоподобного бога значится. Подходит Джлалу к продавцу и спрашивает, что тот за кальян свой чудесный такой просит.

- А ничего не прошу, - отвечает тот, - чего ради мне ещё просить-то чего-то у людей бедных, мне и так очень даже так это, хорошо, знаешь ли. А кальян Ганеши – да кто бы так взял – так я бы рад был ему несказанно, да вот только не нужен он никому, и ты его тоже, - говорит, - ну вот нисколько, думаю, взять не пожелаешь!

- А вот возьму да и возьму! – отвечает ему в тон старик.

- А вот и не верю, - отвечает продавец, а сам всё волосы заплетает да заплетает. Я тут уже таких как ты насмотрелся уймы две, если не все три. Сначала брахман подходил, весь жирный такой, красиво одетый, ленивый, как дохлый попугай, повертел-повертел мой кальян, послунявил его, послунявил и не купил! Потом кшатрий подходил, весь в броне, с клинком и стрелами, хмуро так смотрит на меня и требует объяснить, что за штука за такая интересная, да зачем нужна. Я уж ему объяснял-объяснял, чуть ли не три дня и три ночи, а он всё равно ничего не понял, в руках повертел-повертел, в зубах послунявил-послунявил – и всё равно не купил. Потом ещё вайший приходил, весь ободранный и в мозолях, кожа красная, обветрившаяся, ноги грязные, без обуви, да ещё и воняет от него версты за три. Спросил он меня, что это за мотыга странная такая, ну а я попытался, естественно, объяснить ему, что не мотыга это никакая, а очень даже кальян для почтения славного красного слоника Ганеши, а он меня даже слушать не стал, в руках только кальян повертел-повертел, да во рту послунявил-послунявил, и ушёл восвояси. Скрутил я тогда с горя большую такую пребольшую сигару отборной местной саттивы, да и раскурил потихоньку - помаленьку, всё равно неясно кого тут когда дожидаться-то куда. Тут-то у меня глаза и открылись. И понял я, что мой кальян, он – это, не просто так тут стоит, а кому-то свыше предначертан, раз столько людей не пожелали его купить, а раз так, то самое благое дело – не продавать его, а отдать первому, кто пожелает его приобрести, да потому что первый этот и есть тот самый, кому он нужен на самом деле, раз на то воля всех тех многочисленных существ и божеств, что властвуют над нами. И ежели хочешь его взять – препятствовать воле твоей не буду, и ничего за товар свой просить тоже не стану.

Так Джлалу приобрёл кальян в личное пользование. А мадхупарку ему всё же пришлось продать, чтобы купить магическое снадобье хаому у жрецов, сполна исполнить волю благочестивого царя Тафари, и решил старец исполнять её, пожалуй, от самого начала и до самого конца. Отправился он тогда в дальнейшее путешествие, захватив с собой только старый сук гвоздичного дерева для опоры да котомку со съестными припасами, флягой хаомы и заветным кальяном, дарованным ему богами. Шёл он не день, и не два, и даже не десять, и даже не двадцать, и не месяц, и не два месяца, и не три месяца, а – да – шёл он, представьте себе, ажно целые полгода, причём с хвостиком. Тонким, как у мыши. Или как у скорпиона. Или как у павиана. Или как у гомодрила. Или как у крокодила. Или как у странствующей звезды, что ещё порой по небу, бывает, ходит. Короче, тонким, ну и всё тут! И шёл он, знаете ли, не просто так, а шёл он от города к городу и от деревни к деревне среди рычащих свирепых зверей и провисающих в лунных лучах лиан, спасаясь от голода сочными финиковыми

плодами и укрываясь от ночного озноба в кронах деревьев и жилищах гостеприимных хозяев, пока, наконец-то, не достиг желанных вод блаженного Ганга. И когда на глинистых берегах реки в следы начала уже постепенно просачиваться прохладная вода, выпил он священную хаому полностью, до самой последней капли, и напиток, открывающий изнутри двери Атмана, показался на вкус довольно-таки малоприятным. Во-первых, он весьма даже изрядно горчил, а во-вторых, отдавал поганками, хвоей и ещё чем-то смутным и неясным, но затхлым и чуть ли не замогильным. А как выпил хаому, то тут же сразу, не откладывая незабвенный указ царя в долгий ящик, запалил старик свой кальян. Стоит он весь такой, вонючий-превонючий, как лесной скунс, грязнющий-прегрязнющий, хуже, чем провинциальный неприкасаемый, уставший, как бегемот после спаривания и голодный, как шакал во время полевой засухи. А вода в реке мутнящая-премутнящая, и Джлалу в неё только по колено пожелал зайти, в левой руке кальян держит, а правой рукой мундштук в рот, значит, запикивает, и вдруг чувствует что-то странное с ним происходить вдруг начинает. Сначала в теле стало тепло так, приятно даже, а потом от брюшка его, совсем ввалившегося после долгого путешествия, к рукам морщинистым, начали разбегаться щекотные мурашки, после же стало столь радостно, словно бы его ублажала прекрасная юная дева, однако чувство это не было соединено или сосредоточено только в каком-то одном месте, а скорее, наоборот, равномерно раскатывалось волнами по всему телу, чуть усиливаясь в голове, кончиках пальцев и подле живота. И вот стоит Джлалу в водах священной реки в полнейшем восторге, не может и слова молвить, и видит вдруг, что на воде всякие там лотосы разноцветные распускаются, зверьки многоглазые и многоногие бегают, щупальцами шевелят, охотятся, видать на других таких же, как они, зверьков, ну там и другие интересные штуки происходят: боги в колесницах сражаются, солнца фиолетовые восходят и заходят каждую секунду, золотые украшения, усыпанные бесценными друзьями рубинов, бриллиантов и смарагдов колышались, люди проплывают, красивые – и не очень, занкомые – и не очень, лавины с Гималаев сходят, папоротники переливаются, гидры кувыркаются, конопля спаривается, хомячки растут, слоники в бегемотиков превращаются, бегемотики – в слоников, после чего раздуваются в воздушные шарики и улетают за облака, механизмы ржавые шестерёнками скрипят, цыплята трёхглазые прыгают, попискивают, и вообще много ещё чего интересного там происходит, причём оно не просто так происходит – идёт и идёт себе размеренно, как вайший по пашне, нет – оно не так идёт, оно чем дальше – тем всё быстрее и быстрее идёт, и, в конечном итоге таким странным становится, что Джлалу уже и сам перестаёт понимать, что же он там такое в водах Ганга видит этакое, интересное. Смотрит он на волны такой, уже, можно сказать, ну совсем никакой, и видит, что по краям реки, ближе к берегу, волны все мелкие такие, противные, прямоугольные

все да квадратные и они так прыгают-прыгают, и прямо друг через друга перепрыгивают, ну прям как саранча по полю, и много их так же, как саранчи, зато в центре Ганга волны все спокойные такие, в виде ромбиков текут, и ничто, кажется их не способно поколебать, да и размером они гораздо больше, чем вся эта мелочь по краям. И приходит вдруг старику пронзительное такое осознание, что и весь мир так же устроен, мол, то, что важное, прекрасное, необходимое, правильное, величественное и большое – его именно оттого так и мало, что оно большое, и куда поместится десять мелких прямоугольных саранчевидных дрязг, туда и одному радостному ромбику не поместиться! И от этих мыслей стало на душе так спокойно и мирно, словно бы во всей бесконечной вселенной больше не осталось вообще никаких тайн. Джлалу развернулся к берегу и своей гвоздичной суковатой палкой попытался вывести на глиняном песке фразу: «Счастье и гармония – это понимание того, что ромбики - большие и добрые, а квадратики – маленькие и злые!» Однако рука перестала его слушаться, поэтому вместо надписи получилось вообще непонятно что, к тому же пока он пытался вывести буквы на песке, из головы выветрилась не только эта самая фраза, но также и её значение. Осталось только парадоксальное понимание того, что он чего-то понял, правда, что именно он понял, он уже не понимал, зато он понимал сполна, отчего вот, оказывается, реку Ганг все священной называют, действительно, только что, казалось, зашёл, а уже пролетела целая вечность, и мудрости накопил тоже как за целую вечность, и суть мироздания даже, вроде бы как постиг. Наверное. А может, и нет, кто же её знает, суть мироздания эту, кроме неё самой. Она вообще вся непонятная такая, суть мироздания эта. А может, и понятная. Суть мироздания. Кто ж её знает, кроме неё самой – понятная она или не понятная, и непонятно даже то, понимает ли она сама, что она сама себя понимает, или она всё-таки не понимает, понимает ли она себя или не понимает. И тут вдруг Джлалу постигает, что есть только эта река, а всё, что его окружает – это всего лишь отражение на её поверхности, причём волны – это его же страхи, мысли и желания, и чем их больше, тем сильнее рябь на поверхности, и тем хуже он воспринимает всё, что на самом деле творится вокруг, и вообще, эта рябь – это он сам, и это не Ганг покрывается рябью, а сам Джлалу смотрит изнутри себя, поэтому, когда старец покрывается рябью мыслей, то и Ганг ему чудится покрытым волнами, а когда же Джлалу каменно спокоен, каким он постепенно становился в тот момент, то и Ганг постепенно в отражении рассудка превращался в то, чем он всегда и являлся – Великим Ничем, выглядящим как неколебимая и абсолютно спокойная водная гладь, а всё, что видел старик – на самом деле не существовало, поскольку являлось всего лишь отражением в Ганге, а если уж быть точным, то это вовсе не Джлалу отражался в Ганге, а сам Ганг отражался в Джлалу, что делало его бессмертным существом высшего порядка, равного богам, поскольку если

даже Ганга нет без старика, то что же без него вообще есть? И если всё в мире – всего лишь отражение в воде, то что же есть ещё в мире, кроме этой Реки Бытия и несомых ей вод, отражающих мир?

- Тогда из чего всё это сделано? – спросил сам себя старик.

- Из воды, - ответил ему откуда-то сзади вкрадчивый голос.

- И я тоже сделан из воды? – спросил тогда Джлалу.

- А вот и нет! – хихикнул почти под ухом голос, - это вода сделана из тебя.

- А из чего тогда я сделан? – удивился Джлалу.

- Из всего, - лаконично ответил голос.

- А ты где? – манера прятаться начинала уже немного нервировать.

- Везде! – задорно прозвенел голос сразу со всех сторон.

В этот самый момент старик вдруг понял, что весь окружающий мир и впрямь состоит из воды, причём эта вода каким-то невообразимым способом вытекает из него самого, со всей поверхности тела, так что получалось, что и впрямь всё сделано из него самого, он словно стал центром Реальности, верх и низ перемешались, право и лево исчезли вовсе, кроме того ориентироваться стало возможным не только в трёх направлениях, а в гораздо большем их количестве. Всё, окружающее паломника, чрезмерно ярко светилось, настолько ярко, что вызывало резь в глазах, но помимо этого, оно ещё и блестело, подобно жидкому стеклу или дикому мёду, постоянно меняя форму и отливая радужными цветами. Удивившись, как же это он раньше это великолепие не замечал, старик чётко и ясно увидел, что вся эта вода или стекло, застилающая поверхность окружающего его реальности, складывается из узоров переливающейся паутины, которую плели микроскопические паучки, постепенно вырастая в размерах. Джлалу стал отплясывать прямо в воде и пытаться отряхнуться, поскольку понял, что сам покрыт постоянно вращающейся переливчатой паутиной и теми мелкими паучками, которые её плели, но внезапно почувствовал сильнейшее головокружение и понял, что пластом падает во всемерную бездонность вод сакральной реки. Он погружался всё глубже, и глубже, и глубже, и глубже – пока не достиг самого дна Ганга. Оно, однако же, оказалось тонким, как бумага, прорвавшись сквозь которую Джлалу оказался в довольно странном месте. Снизу бушевала гроза, где мерцающие облака всех выразимых и невыразимых оттенков невообразимо разили озоновой свежестью, над головой же сияли звёзды, столь яркие, что до них можно было попробовать дотянуться. Джлалу попробовал – и у него получилось. Одна маленькая звёздочка была размером с яблоко, совсем не жглась и легко умещалась в смуглой тёплой руке старца. Он был голоден, и потому попытался надкусить звезду, и его обволокли туманные осколки густого аромата спелых яблок. Осколки повисли вокруг аурой из перевёрнутых зелёных капель размером со шмеля, размеренно

вращавшихся в такт изменяющимся оттенкам фруктового аромата. В тот самый момент, когда последний кусочек звезды утолил голод и жажду путника, он заметил на линии между облаками снизу и космосом сверху маленькую точку, которая постепенно приближалась и вскоре приобрела вполне явственные очертания красного гавиала в сиреневую крапинку с тремя головами и тремя парами небесно-голубых глаз, сияющих, как синие звёзды на каждой из трёх его голов. Он сложил на спине чешуйчатые складки закрылков, и, почесав щупальцами густую щетину усов, мягко, вежливо и вкрадчиво произнёс: «Идём. Ты прошёл посвящение Ганеши. То был ключ от жемчужных врат его мира». Джлалу сразу же узнал этот голос. Он был тем же самым, что утвердительно убеждал, будто мир состоит из вод Ганга. А гавиал тем временем продолжал: «Садись на меня. Я – Верховный Чараластра Предела, и долг мой – доставить тебя в мир Ганеши». В тот самый момент Джлалу увидел в теле гавиала уздечку и стремяна, как бы бывшие продолжением его плоти, и, устроившись поудобнее, отправился в путь туда, о чём, реально не имеет представления даже царь Тафари. Безвестного старца, уже, в общем-то подраспущшего и явно с душком, выловили на следующий день молодые джайны, погружавшиеся в вечность, медитируя на реку. Он проплывал мимо рыболовной пристани вниз лицом вдоль по течению вод Ганга.

Белоусов Роман, 03 апреля 2010 года.